

У Е Фантяня, хоть он и был абсолютно обделен музыкальным слухом, в доме хранилось великое множество циней. Он тут же велел слугам принести один из лучших инструментов, чтобы дать Сяои попробовать свои силы.

Пальцы Е Сяои, скрючившись, точно куриные лапки, беспорядочно прошлись по струнам. Цинь в ответ издал глухое, непристойное урчание, подозрительно похожее на то, как кто-то шумно портит воздух.

Е Фантянь покатился со смеху. Он устроился прямо позади мальчика и, склонившись к самому его уху, принялся объяснять:

— Этот инструмент зовется семиструнным цинем. В состязаниях по Шести искусствам под «музыкой» всегда подразумевают именно его. Искусство игры на цине бездонно, и если хочешь овладеть им, для начала нужно изучить сам инструмент. Посмотри: правая его часть широкая, она зовется «головой», а левая, узкая — «обгоревшим хвостом». Перламутровые кружки, тянущиеся вдоль корпуса от головы до хвоста, — это тринадцать ладов-хуэев. Семь струн, считая от внешнего края к внутреннему, соответствуют тонам: гун, шан, цзюэ, чжи, юй, вэнь и у.

Фантянь коснулся струн, демонстрируя их звучание:

— Первая струна — тон гун. Звук у нее глубокий, величественный. Она свита из восьмидесяти одной шелковинки дикого шелкопряда и превосходит остальные толщиной. Вторая — тон шан, резкий и решительный. В ней семьдесят две нити, она чуть тоньше первой. Третья — цзюэ, из шестидесяти четырех нитей, ее голос звучит приглушенно. Четвертая — чжи, пятьдесят четыре нити, у нее чистый, красивый напев. Пятая — юй, сорок восемь нитей, тонкий и прозрачный звук. Шестая струна, вэнь, дает мягкий тон, умеряющий жесткость, а седьмая, у — жесткий, дополняющий мягкость. Послушаешь подольше — и сам начнешь различать их на слух.

Е Сяои, начисто лишенный музыкального слуха, выдохнул с облегчением.

«Ну, по крайней мере, эти семь тонов мало чем отличаются от привычной современной гаммы: до, ре, ми, фа, соль. Звучит не слишком дико — и то ладно».

На самом деле европейская семиступенчатая гамма построена иначе: между «ми» и «фа», как и между «си» и «до», расстояние составляет всего полутон, в то время как остальные разделены целым тоном. В древнекитайской же системе звуки «гун-шан-цзюэ-чжи-юй» соответствовали современным «до-ре-ми-соль-ля». Полутонов в ней не было вовсе, зато добавлялись две вспомогательные ступени — вэнь и у. Неудивительно, что Сяои не уловил разницы.

Мышление древних людей вроде Е Фантяня разительно отличалось от привычек человека из будущего. Они не любили докапываться до первооснов и физической природы звука — их интересовало лишь практическое применение инструмента.

Поэтому Фантянь не стал пускаться в долгие объяснения о том, как именно различать тона и почему их ровно семь. Вместо этого он предложил юному другу почувствовать инструмент на практике:

— Чтобы играть, нужно сродниться с цинем. Видишь эти тринадцать белых точек на деке? Это лады. Левая рука прижимает струну у нужного лада, правая — извлекает звук. Перемещая пальцы по ладам, ты меняешь высоту тона. У семи струн в общей сложности девяносто один чистый звук — обертон. Запомнишь их все, и сможешь сыграть любую мелодию.

Сяои едва не взвыл от отчаяния:

— Да я хоть сто раз прослушаю, все равно не пойму, где какой тон! Как мне запомнить целых девяносто один звук?!

Больше всего на свете Е Фантяню нравилось поддразнивать и пугать мальчишку. Он усмехнулся:

— Подумаешь, несчастный девяносто один обертон! Это еще цветочки. А как тебе сто сорок семь приемов звукоизвлечения? Для левой руки есть скольжение, вибрация, тремоло, восходящие и нисходящие глиссандо — всего не перечесать. Правой же рукой нужно уметь щипать, цеплять, бить, смахивать, делать переборы... Так что учитель Мо Юэ, который когда-то сумел воссоздать утраченную партитуру «Гуанлин сань», лишь раз прослушав ее, был истинным гением. Обычному человеку подобная вершина недоступна, тут нужна настоящая одержимость музыкой.

Сяои и без этих страшилок понимал, что на этот музыкальный Эверест ему ни за что не взобраться. У него ведь начисто отсутствовал слух! Если не играть ему ноты одну за другой в строгом порядке, он в жизни не отличит «до» от «соль». Какая уж тут игра на древнем инструменте?

Устроившись за спиной ученика, Фантянь выбрал простую детскую песенку и принялся медленно, раз за разом, проигрывать ее.

Сяои с глупым недоумением следил за его руками. Пальцы Фантяня порхали над декой, то сгибаясь, то изящно оттягивая струны. Ну как у взрослого мужчины руки могут быть настолько гибкими?

«Нормальные пальцы должны двигаться все вместе, разве нет?»

Пытаясь повторить эти движения под столом, Сяои обнаружил, что его левая и правая руки наотрез отказываются действовать независимо.

«Какого черта мои пальцы ведут себя так, будто они намертво склеены друг с другом?»

Заметив эти тщетные потуги, Фантянь самодовольно ухмыльнулся и принялся перебирать струны еще быстрее, откровенно красуясь и дразня своего юного друга. Какое же это было наслаждение! Мальчишка, у которого обычно хватало наглости раздавать пинки направо и налево, наконец-то столкнулся с тем, что ему не под силу. Растерянная гримаса на его лице выглядела до того уморительно, что Фантянь едва сдерживал хохот.

Тем временем на крыше за этой идиллической картиной наблюдал Мо Юэ. Сяои сидел, по сути, в объятиях Е Фантяня, увлеченно слушая веселую мелодию. Мо Юэ сощурился, не сводя глаз с этой пары, и в его голове явно роились не самые радужные мысли.

Обладая природным чутьем, Сяои вдруг ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он заозирался по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Странно. Это ощущение чужой ауры не покидало его уже какое-то время.

— Что такое? — с улыбкой спросил Фантянь. — О чем ты замечтался?

— Да так, пустяки, — Сяои тряхнул головой. — Ладно, прекращай бренчать. Лучше помоги мне до конца разобрать и отметить важные места в трактате.

Но Фантянь уже вошел во вкус. Он великодушно заверил юного друга, что его старший брат — человек широкой души: он вовсе не против того, что Сяои такой неумеха, и готов терпеливо обучать его с самых азов, пока тот не превратится в величайшего виртуоза современности.

Наверху Мо Юэ презрительно усмехнулся.

«С какой стати моему ученику брать уроки у тебя? Чему бы этот мальчишка ни захотел научиться, я сам его обучу».

\*\*\*

К закату Сяои наконец покинул Сад Е. В руках он бережно сжимал экземпляр «Книги ритуалов», исписанный пометками вдоль и поперек.

Стоило ему сделать несколько шагов от ворот, как дорогу ему преградил странный тип в глухом темном плаще и традиционной оперной маске. Незнакомец двинулся навстречу, заставив мальчика инстинктивно отступить на несколько шагов.

— Я тут снаружи краем уха слышал твои потуги, — проскрежетал масочник на удивление хриплым, надтреснутым голосом. — Редкая гадость, уши вянут. Если хочешь научиться играть по-человечески, я могу помочь. Десять лянов серебра за вечер — и результат гарантирован.

«А, так это местный учитель подрабатывает?» — сообразил Сяои. Но обещание гарантированного результата его зацепило.

Вообще-то на цине только что играл Е Фантянь, чье мастерство было неоспоримо. И если этот незнакомец назвал его игру «редкой гадостью», то он либо законченный безумец с раздутым самомнением, либо истинный виртуоз.

Несмотря на всю странность ситуации, Сяои заинтересовался. Сразу прогонять наглеца он не стал, а вместо этого спросил:

— Кто ты такой? И почему прячешь лицо под маской? Как я могу доверять тому, кто скрывает свое имя и внешность?

Незнакомец даже не подумал оправдываться. Напротив, он высокомерно фыркнул, обдав Сяои презрением:

— Радуйся, что я вообще снизошел до тебя, щегол. Верить мне или нет — твое дело. Если хочешь учиться, приходи сегодня в полночь к Сломанному мосту. И не забудь прихватить десять лянов серебра.

Бросив эти слова, человек в темном плаще развернулся и быстро скрылся из виду.

— Эй! — крикнул ему вслед Сяои. — Десять лянов — это грабеж! Может, за два договоримся? У меня нет таких денег!

— Тогда сиди дома, — донеслось до него, но незнакомец даже не обернулся.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, Сяои крепко задумался. Высокомерное равнодушие этого типа сбивало с толку. Кто он? Обычный жулик, решивший разбогатеть за его счет, или, чего доброго, разбойник, заманивающий его в ловушку ради наживы?

Махнув рукой, Сяои решил пока выбросить это из головы и зашагал к дому.

Однако ночью, когда бледный диск луны взошел на небосвод, любопытство разгорелось в груди мальчика с новой силой. Он никогда не отличался трусостью. Больше любого риска он боялся упустить редкую, по-настоящему ценную возможность лишь из-за пустых опасений. В итоге, решив все же проверить таинственного незнакомца, он отправился к Тонкому Западному озеру разузнать, что к чему.

Впрочем, соваться очертя голову сразу к Сломанному мосту он не стал. Местная достопримечательность под названием «Остатки снега на Сломанном мосту» была воссоздана каким-то богачом по образу и подобию знаменитого моста в Ханчжоу. Место это находилось в глухой, неосвещенной части парка, и добраться туда можно было только на лодке. Идти в такую тьму наобум было бы верхом безрассудства.

Для начала Сяои направился к Мосту двадцати четырех. Там даже в столь поздний час кипела

жизнь: горели гирлянды бумажных фонариков, прогуливались праздные горожане, и было шумно.

Отыскав торговца сладостями, Сяои купил у него нитку засахаренного боярышника и фигурку из солодовой патоки. Пережевывая лакомство, он как бы невзначай поинтересовался у словоохотливого старика, не пошаливают ли разбойники у Сломанного моста и не случилось ли там в последнее время каких-нибудь душегубств или грабежей.

Старик даже руками всплеснул от испуга:

— Окстись, милоч! Не пугай старого. На всем Тонком Западном озере круглые сутки стража патрулирует, тут ведь сплошь благородные господа живут да гуляют. С чего ты взял, будто у Сломанного моста кого-то порешили?

Раз никаких преступлений не совершалось, Сяои немного успокоился. Он укрепился в намерении довести дело до конца и продолжил расспросы:

— Ну и славно. Отец, а не слыхал ли ты о странном человеке, который носит черный плащ и театральную маску? Он обещал научить меня игре на цине. Не знаешь, кто бы это мог быть?

Пожилой торговец на мгновение задумался, поглаживая жидкую бородку:

— В маске, говоришь, да еще и игре учит?.. Уж не Цзи Тянь ли это, бывший музыкант из оперной труппы «Грушевый сад»?

Сяои незаметно подтолкнул к нему мешочек с мелкими монетами:

— Расскажи поподробнее, почтенный. Что это за Цзи Тянь?

Старик привычным жестом спрятал мешочек за пазуху и, придвинувшись ближе, заговорщицки зашептал:

— Да его в наших краях каждая собака знает. Спроси любого — всяк расскажет. Лет десять назад Цзи Тянь гремел на весь Город Янчжоу, равных ему музыкантов не было. Благородные господа в очередь выстраивались, сулили любые деньги, лишь бы залучить его к себе на пир хотя бы на часок. Обычному человеку на его выступление было и вовсе не попасть.

Торговец вздохнул, уносясь мыслями в прошлое:

— Платили ему щедро, за одну песню порой целое состояние выкладывали. Но парень сгубил себя сам. Влюбился без памяти в актера из заезжей оперной труппы и ради него бросил все, пошел простым аккомпаниатором в театр. Да ладно бы просто пошел, так ведь воспылал

страстью к мужчине! Сам понимаешь, какой позор. Слава его вмиг померкла, приличные дома закрыли перед ним двери. А несколько лет назад он и вовсе пропал из виду. Говорят, любовь та безответной оказалась, да вдобавок при расставании ему лицо изувечили. С тех пор он его и прячет.

— Так он еще и изуродован? — Сяои задумчиво откусил очередную ягоду боярышника. — Тогда понятно, зачем ему маска.

— Вот-вот. Полгода назад у нас тут тоже объявился какой-то бродяга в маске. Стал играть на озере, да так, что заслушаешься. Люди приметили, начали шептаться: уж не сам ли великий Цзи Тянь вернулся? Тот услышал, подхватил инструмент и больше в людных местах не показывался. Вот я и подумал, что ты на него наткнулся.

Сяои искренне восхитился осведомленностью собеседника:

— Ну и ну! Да у тебя, дедушка, на каждого досье имеется.

Старик сокрушенно покачал головой:

— Эх, милоч, если бы ты хоть раз услышал, как он играет... Я ведь простой торговец, в высокой музыке не смыслю, но когда он проводил по струнам — у меня аж сердце заходило, слезы сами наворачивались. Он не просто играл, он душу наизнанку выворачивал. Настоящий призрачный гений, богом поцелованный. Жаль только, судьба к нему оказалась безжалостна. Растоптали такой талант.

Этот рассказ лишь укрепил Сяои в его намерении. Отыскать настоящего мастера и напроситься к нему в ученики — лучшего и желать нельзя. Конечно, оставались сомнения, действительно ли незнакомец в маске — тот самый легендарный Цзи Тянь. Осторожности ради Сяои нащупал в широком рукаве рукоять пистолета и только после этого двинулся в сторону темной заводи, где высился Сломанный мост.

Очутившись у каменной плиты с высеченным названием «Остатки снега на Сломанном мосту», Сяои поежился от внезапного порыва ледяного воздуха.

«Ну и чудачества у местных богатеев, — хмыкнул он про себя. — До зимы еще далеко, а у воды холодина несусветная. Сколько же они льда в озеро бухнули, чтобы воссоздать зимнюю прохладу?»

Мальчик потрогал кошель на поясе, гадая, хватит ли у него средств расплатиться с лодочником за переправу.

Ступив на деревянный причал, Сяои негромко окликнул застывшую в тумане лодку. Черный сампан плавно развернулся и бесшумно заскользил к берегу.

По мере приближения лодки до его слуха стали доноситься чарующие звуки циня. Мелодия, чистая и прозрачная, как горный ручей, омывала разум, заставляя забыть о тревогах и затаенном страхе. Оружие в рукаве вдруг показалось неуместным. Сяои невольно расслабился. Удивительное мастерство! Настолько подчинить себе чужие чувства одной лишь игрой мог только истинный гений. Сяои окончательно убрал руку от пистолета: сомнений не осталось, перед ним был Цзи Тянь.

Лодка мягко ткнулась в сваи причала. В серебристом сиянии луны на палубе сидел человек, укутанный в роскошное лисьё куньё. Лицо его скрывала маска. На коленях лежал старинный инструмент из темного дерева. Музыкант казался отрешенным от земной суеты, словно пребывал в ином, недоступном для смертных мире.

Он был совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но Сяои казалось, будто между ними пролегла непреодолимая бездна. Этот загадочный мастер напоминал холодную, далекую луну.

Напускное величие незнакомца произвело на Сяои сильное впечатление.

«Вот это я понимаю — настоящий благородный муж древности, овеванный тайнами и печалью, — восторженно подумал он. — Не то что мои приятели, приземленные донельзя».

Не мигая, Сяои уставился на окутанную лунным светом фигуру, точно перед ним предстал диковинный артефакт.

Лодочник протянул руку, помогая Сяои подняться на борт. Тот опомнился, шагнул на покачивающуюся палубу и без лишних церемоний уселся прямо напротив незнакомца, продолжая бесцеремонно его разглядывать.

«Постойте-ка... А глаза у него подозрительно знакомые. Вылитый Мо Юэ! Но этот несносный тип вроде как отбыл за море...»

От столь пристального, изучающего взгляда Мо Юэ едва не сбился с ритма, смазав пару переходов. К счастью для него, музыкальный слух Сяои оставлял желать лучшего, и мальчик ничего не заметил. Мо Юэ старательно поддерживал образ загадочного отшельника, а Сяои, подперев подбородок ладонями, завороченно наблюдал за каждым движением его рук.

Лодка скользила к середине озера. Холод становился все более пронизывающим, над водой поползли густые клубы белого тумана. Сяои не выдержал и громко чихнул.

Музыка мгновенно смолкла. Сняв с плеч тяжелую лисью шубу, Мо Юэ набросил ее на плечи продрогшего мальчика.

— В следующий раз одевайся теплее, — негромко бросил он нарочито хриплым голосом.

Сяои, почти полностью утонувший в огромном меховом вороте, выглядел забавно и очень трогательно. Под маской Мо Юэ невольно промелькнула теплая улыбка.

Согретый чужим теплом, Сяои поплотнее закутался в мех и решил наладить контакт с угрюмым учителем:

— Премного благодарен, учитель! Только давайте в следующий раз выберем место попроще. На этом замерзшем озере зуб на зуб не попадает, хоть пейзаж и впрямь живописный.

— Стужу нужно терпеть, — ледяным тоном отозвался незнакомец. — Лишь в суровых условиях рождается истинное мастерство. И не зови меня учителем, мы еще не договорились. Десять лянов при себе?

— Учитель, важен не подарок, а внимание! Примите мой сыновний поклон. — Сяои послушно склонил голову, после чего вытащил из-за пазухи мешочек и положил на палубу. — Тут шесть лянов. Пока это все, что у меня есть. Остальное отдам позже, как только раздобуду денег.

Деньги у Сяои, конечно же, были, и немалые. Однако десять лянов за один урок — сумма внушительная. А ну как этот бродячий виртуоз получит всю плату вперед, поучит его пару дней, а потом сбежит из города? Ищи его свищи.

Потому Сяои рассудил, что лучше остаться должником. Пока висит долг, этот скрытный мастер никуда не денется и будет прилежно вести занятия.

<http://bllate.org/book/18182/1759118>